

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ФЕНОМЕНЫ

Лазарева А.В.

DOI: 10.7256/2222-1972.2014.1.11691

При цитировании этой статьи сноска на doi обязательна

Немецкие национальные символы и аллегории в эпоху Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.)

Аннотация: В статье анализируется становление феномена национализма в Германии в раннее Новое время. Речь идет об одном из самых сложных периодов немецкой истории – Тридцатилетней войне (1618–1648), изменившей фундаментальные основы Священной Римской империи германской нации. В поисках новых ориентиров в «перевернутом мире» (как писали современники), немецкие публицисты обратились к идее нации, считая, что только национальное единство сможет вернуть немецким княжествам «славу предков». Многоликие образы Тридцатилетней войны, появившиеся в публицистике эпохи, оказали важное влияние на становление представлений немцев о немецкой нации. Самобытные изображения стали символом эпохи. Они пробуждали у современников, живших десятилетиями в военном хаосе, чувство гордости за свой народ, напоминали о «славном прошлом» и помогали примириться с тяжелой действительностью, обосновывая претензии на мощь и политическое лидерство. Статья основана на имагологическом подходе, который помогает проанализировать и понять образы, появившиеся в эпоху Тридцатилетней войны в немецкой повседневной публицистике. В статье вводится в научный оборот комплекс мало изученных источников – немецких иллюстрированных листовок эпохи Тридцатилетней войны. Несмотря на огромную популярность иллюстрированных листовок у современников и широкое обращение к этому источнику в зарубежной историографии, российской науке он по-прежнему остается мало знаком.

Annotation: The article analyzes the formation of nationalism in Germany during the Early Modern Period, in one of the most difficult periods of German history – the Thirty Years' War (1618-1648), which changed the fundamental base of the Holy Roman Empire of the German nation. In the search for new foundations in the “reversed world” (as contemporaries wrote), German publicists turned to the idea of nation, considering that only national unity can return to the German duchies their “ancestral glory”. The multifaceted images of the Thirty Years' War, which appeared in the publications of the epoch, had a significant impact on the development of the Germans' perceptions of the German nation. Distinctive images became the symbols of the era. These symbols awakened in contemporaries, living for decades in wartime chaos, the sense of pride for their people, reminded them of their “glorious past” and helped them come to terms with their difficult reality, thus validating claims of power and political leadership. The article utilizes the imagological scientific approach to analyze and understand the images that appeared during the period of the Thirty Years' War in German daily publicism. The article also presents a body of little studied sources: German illustrated leaflets of the Thirty Years' War epoch. Despite the vast popularity of illustrated leaflets among contemporaries and their extensive use in foreign modern historiography, they remain a little known historical source among the Russian scholarly community.

Ключевые слова: нации, раннее Новое время, Германия, Тридцатилетняя война, иллюстрированные листовки, имагология, символы, аллегории, образ, стереотип.

Key Words: nations, Early Modern Period, Germany, the Thirty Years' War, illustrated leaflets, imagology, symbols, allegories, images, stereotype.

В раннее Новое время при создании целостной картины мира важную роль играли различные символы и аллегории. Чаще всего они были связаны с представлениями об окружающем мире, в большинстве случаев опирались на Священное Пи-

сание, что делало их понятными для многих поколений. Однако в переломные моменты истории, когда рушились привычные жизненные ориентиры, символы и аллегории претерпевали трансформацию – некоторые из них получали дополнительное значение, другие исчезали, а

третьи появлялись впервые. Особенно четко такие изменения прослеживаются во время войн, когда кризис заставлял людей переосмысливать пережитое и адаптироваться к окружающей действительности. Среди войн раннего Нового времени, безусловно, одной из главных военных катастроф стала Тридцатилетняя война (1618–1648), в которой участвовали практически все европейские державы. Сами военные действия проходили на германских землях Священной Римской империи, поэтому именно немцы испытали на себе все ужасы войны. Немцы пытались осмыслить происходящее и связать его с уже существующими представлениями о мире, об историческом процессе, понять, почему на них обрушилась «кара Божья», как тогда воспринимали войну.¹

В это время активно развивалась публицистика, которая стала главным коммуникативным связующим звеном в разрозненных немецких княжествах. Именно в публицистике появились визуальные образы, наполненные символическим и аллегорическим смыслом. Немецкая иконография первой половины – середины XVII в. была своего рода «зеркалом», в котором главные темы отражались с помощью символов и аллегорий. Даже бытовые сцены, или политические события – все эти излюбленные темы для художников – несли в иконографии Тридцатилетней войны символическо-аллегорический подтекст.

Многочисленные эмблемы, атрибуты, символы, которые появляются в печатной продукции раннего Нового времени, следует рассматривать как вариант аллегории.² Наглядность аллегории достигается, как правило, с помощью персонификаций, или атрибутов, или изображения характерных действий.³ Любая аллегория раннего Нового времени являлась многоуровневой и сегодня имеет разные варианты интерпретаций.⁴ Если в XVI в. – веке конфессионального противостояния – особой актуальностью обладала религиозная проблематика, то в XVII в.

ситуация изменилась и главный акцент делался уже на светские сюжеты. Это объясняется тем, что время религиозных баталий постепенно отходило в прошлое, и на первый план вышла борьба за гегемонию в Европе. Поэтому, если в средневековой традиции аллегории были связаны преимущественно с библейскими сюжетами⁵, то в раннее Новое время даже библейские символы и атрибуты иногда приобретают иное аллегорическое значение. Особенно важным представляется то, что «аллегории являются иллюстрациями абстрактного содержания, которое существует лишь в сознании».⁶ Визуализация абстрактных идей, появившихся у образованных слоев общества, стала характерной особенностью образов Тридцатилетней войны, которые очень многогранны и по тематике и по вариантам ее представления. В первую очередь речь идет об идее нации.

С одной стороны, к этому времени достаточную степень зрелости для развития этой идеи обрели различные материальные предпосылки, такие, как более высокий уровень экономики и коммуникации, унификационные меры политики абсолютизма, утверждение литературных языков и т.д. С другой стороны, в эпоху Тридцатилетней войны ослабли конкурирующие варианты самосознания: пошатнулись как локальные связи, привязанность к «малой родине», так и идеи о создании «универсальной монархии».⁷ На смену партикуляризму и главенству религиозного фактора начинает приходить понятие «государственного интереса», который в XVII в. тесным образом переплетается с развитием идеи нации.

Тридцатилетняя война стала важной вехой в становлении национальной мысли в Германии. Во время войны проявилась специфика немецкого национального сознания. Необходимо учитывать, что разобщенность немецких земель была одной из главных политических реалий раннего Нового времени. Внутри конфессий постоянно шла борьба за политическое лидерство, поддерживаемая разными иностранными союзниками.

¹ Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Hg. von Reinhart Koselleck. Bd.3. S. 574. Stuttgart, 1982.

² Hillen G. Allegorie im Kontext // Feindbilder: die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit / Hrsg. von Franz Bosbach. Köln; Weimar; Wien, 1992. S. 595.

³ Handbuch der politischen Ikonographie / Hrsg. von Uwe Fleckner, Martin Warnke, Hendrik Ziegler. München, 2011. S. 48.

⁴ Schilling M. Allegorie und Satire auf illustrierten Flugblättern des Barock / Feindbilder: die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. S. 408.

⁵ Hillen G. Op. cit. S. 596.

⁶ Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hrsg. von Gert Ueding. Bd. 1. Tübingen, 1992. S. 330 etc.

⁷ «Универсальная монархия» (monarchia universalis) подразумевала объединение европейских стран в единое светское государство, некое подобие Царства Божия на земле. Идея «универсальной монархии» приобрела особое значение в эпоху правления Карла V (1500–1558) и вплоть до начала XVII в. играла важную роль в политических устремлениях императоров.

Распри все время усугублялись династическими противоречиями (например, конфликт в доме Габсбургов, непримиримые споры пфальцской и баварской ветвей могущественных Виттельсбахов), а также постоянным противостоянием между императором и князьями, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Конфессионализация и сильнейшая партикуляристская традиция обусловили также и различия в быте, культуре и менталитете, которые проявлялись в самых разнообразных сферах – от разницы в обрядах и праздниках до использования отличных друг от друга календарных систем. Даже в архитектуре и живописи сильнее чувствовалось влияние географически более близких западно- или восточноевропейских соседей, чем немецких княжеств.

Однако в Германии уже в Средние века появились первые представления о немцах как о своеобразном народе, отличном от других европейцев, которые нашли свое отражение в трудах гуманистов. Образованные слои выступили своеобразными «будителями» нации.⁸ Особую роль в формировании представлений о немецкой нации сыграла Реформация. Она дала импульс к освобождению от давления римской католической церкви и христианского универсализма, что положило начало процессу осознания национального своеобразия. Этому способствовало в немалой степени становление и распространение немецкого литературного языка, которое началось после перевода Лютером Библии. Таким образом, предпосылки для развития идеи нации в Германии уже существовали. Тридцатилетняя война сыграла роль катализатора этого процесса и, несмотря на беспримерную территориальную раздробленность, конфессиональную разобщенность, партикуляризм, культурную гетерогенность, в это время появились яркие визуальные национальные образы.

Эти образы, как правило, уже не оставались достоянием элиты, а становились доступными более широкому слою населения. В основном, это было связано с распространением новых художественных жанров и техник, а также со

⁸ Этот термин происходит от чешского слова «buditel» (дословно «тот, кто пробуждает»). Первоначально так называли деятелей чешской культуры конца XVIII – первой половины XIX в., которые вели активную борьбу за возрождение чешского языка, науки и литературы. В середине XX в. в историографии национализма «будителями» стали называть всех представителей образованных кругов, которые первыми выступили за национальные ценности. См., напр.: *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.

степенью развитости печатного дела, благодаря которой стало возможным тиражирование изображений. Лидирующее место в печатной продукции времен Тридцатилетней войны занимают иллюстрированные листовки с типичным для них своеобразным сочетанием гравюр и текстов. Это были односторонние листы, как правило, довольно большого размера, в среднем 30x40 см.⁹ Среди многочисленных сюжетов листовок национальные образы, благодаря своей специфике, занимают особое место. Одной из их главных отличительных черт является символично-аллегорический способ изображения. Практически каждое «национальное» изображение времен Тридцатилетней войны обладало двойным смыслом, подтекстом, понятным людям XVII в. Ключом к их сегодняшней полноценной дешифровке служат нарративные источники, в первую очередь – тексты на самих листовках и сочинения немецких литераторов и публицистов эпохи Тридцатилетней войны.¹⁰ Современникам же «расшифровывать» смысл национальных образов помогали непосредственно исторические реалии своего времени, поэтому обращение к историческому контексту является первостепенной задачей для понимания визуальных национальных образов Тридцатилетней войны.

Немецкие национальные образы эпохи Тридцатилетней войны появились как следствие долгой иконографической традиции, в основе которой лежала попытка визуального объяснения происходящих событий.¹¹ Так, немецкая иконография начала XVII в. чутко отзывалась на «общий кризис»,¹² охвативший Гер-

⁹ Подробнее см.: *Deutsche illustrierte Flugblätter des 16. und 17. Jahrhunderts* / Hrsg. von W. Harms. In 6 Bd. Tübingen, 1980. (Далее: DIF)

¹⁰ Особую роль здесь играют сочинения немецких поэтов – членов «языковых обществ»: М. Опица, Г. Ф. Гарсдёрфера, И. Клая, З. Биркена, А. Грифиуса, Г.Я.К. Гриммельсгаузена и др.

¹¹ Изображения XVII в., безусловно, можно рассматривать в контексте культуры раннего Нового времени. Они сохранили в себе достаточно черт от эпохи Средних веков. Подробнее об этом см.: DIF.

¹² Термин «общий кризис» (англ. «General Crisis») появился впервые в англоязычной историографии в середине XX в. в работах Т. Эстона (Aston T. *Crisis in Europe 1560–1660*. New York, 1965), Х. Тревор-Ропера (Trevor-Roper H. *The General Crisis of the XVIIth century*. London, 1967). Далее важной вехой в изучении «общего кризиса» стал сборник под редакцией Дж. Паркера (Parker J. *General Crisis of the Seventeenth Century*. London, 1978). Одним из последних крупных достижений в историографической дискуссии об «общем кризисе» можно

манию в этот период. Он проявился в самых разных областях – от экономической до идеологической. Для населения аграрных княжеств самой тяжелой и ощутимой кризисной чертой стало истощение ресурсов, связанное с климатическими осложнениями в Европе (еще в XVI в. началось похолодание¹³) и неурожаями конца XVI – начала XVII в., которые повлекли за собой голод. В это время становятся более частыми миграции. Люди, сознание которых определялось привычкой к конкретному месту, и кругозор которых не выходил за его рамки, были вынуждены переезжать в новые земли, где было возможно более удачное ведение хозяйства. Внутреннее положение было расшатано и религиозными войнами. В итоге множество людей оказались вырванными из привычных сословных и местных связей. Кризисная ситуация привела к появлению ощущения оторванности от традиционных ориентиров.

Неуверенность в завтрашнем дне, появившаяся у людей, довольно быстро нашла свое отражение в иконографии иллюстрированных листовок. В предвоенные годы охотно верилось, что весь «мир чувствует себя как объевшийся крестьянин, который начал забираться в седло, но тут вдруг летит кувырком».¹⁴ Чувство вырванности из привычной атмосферы, ожидание конца света, страх перед вдовством стали характерными чертами в жизни общества. Ощущение «перевернутого мира» или «сумасшедшего мира»¹⁵, нашло свое воплощение в одном из образов начала XVII в. На одной из листовок этого времени можно найти изображение земного шара в шутовском колпаке, указывающее на то «безумие», «ненадежность», «шаткость»¹⁶, которые стали своеобразным символом военного периода. Образ «мира-шута» дан в характерном

для западноевропейской эстетики конца XVI–XVII в. жанре «vanitas» – суетности, бренности мира. Своеобразная атрибутика и персоналии, изображенные на гравюре, акцентировали тему смерти и преходящих ценностей земного бытия. Шутовской колпак указывал на бессмыслицу современного мира. Этот «новый» мир вызывает противоречивую реакцию у философов древности – Демокрита и Гераклита, изображенных в левом углу. Оба мыслителя соперничают с планетой, но Демокрит смеется, как бы насмехаясь над тем состоянием, до которого люди довели себя сами, поставив все с ног на голову, а Гераклит плачет, оплакивая людскую глупость. Скипетр шута напоминает мыльный пузырь, что также символизировало недолговечность человеческого существования. В целом, моральная составляющая подобных изображений настраивала зрителя на обращение к Богу и отказ от земных прегрешений.

Задуматься о «вечной жизни» призывали и астрологи, число которых увеличилось в преддверии войны. Они усмотрели дурные предзнаменования в трех кометах, появившихся в небе в 1618 г.¹⁷ Большой популярностью пользовались памфлеты, в которых были собраны целые перечни несчастий, предвещаемых кометами. Перой в этих произведениях содержалось свыше пятидесяти пунктов, таких, как мор, голод, война, эпидемии.¹⁸ Листовки же с изображением самих комет разошлись многочисленными тиражами в крупнейших немецких городах – Франкфурте-на-Майне, Мюнхене, Кельне, Гамбурге и др. На такой листовке, иногда выполненной на темном мрачном фоне, иногда в реалистичной, иногда – в аллегорической манере, рисовались ужасы, обрушивающиеся на мир после появления комет.¹⁹ Страх перед смертоубийствами, насилиями, пожарами во многом определял сознание немцев накануне Тридцатилетней войны, а с ее началом предвещаемые беды стали реальностью.

Как известно, начавшись в Богемии, война быстро перешла в немецкие территориальные княжества. Одним из главных действующих лиц

назвать коллективный труд европейских историков «Кризисы XVII века», появившийся в 1999 г. в Германии (Krisen des 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1999).

¹³ Aston T. Op. cit. P. 38.

¹⁴ Virga vigilans, Daß ist Ein Einfältiger doch christlicher Discurs, von jetzigem, am Himmel stehenden Cometen: darinn schriftlich und trewhertzig angezeigt, wofür Teutschland bey jetziger vor Augen schwebender Unruh selbigen ansehen und achten soll ... / von Jacobo Herrenschmidt. Ulm, 1619. HAB Wolfenbüttel, A: 202.79 Quod. (2). S. 12. (Названия листовок приведены в соответствии с библиографическим описанием в архивах, библиотеках и опубликованных сборниках)

¹⁵ Nosce te ipsum // Illustrierte Flugblätter des Barock / Hrsg. von W. Harms, Tübingen, 1983. № 30.

¹⁶ Ibidem. По степени сохранности самой лучшей гравюрой с подобным изображением можно считать иллюстрированную листовку, впервые напечатанную в 1600 г.

¹⁷ Schilling H. Aufbruch und Kriese. Berlin, 1993. S. 372.

¹⁸ Ulmische Cometen Predigte, von dem Cometen, so nechst abgewichenen 1618. Jahrs. sich erstenmahls in Schwaben sehen lassen, darinn nachfolgende 3 Punkten gehandelt werden, 1. Was Cometen seyen. 2. Was sie bedeuten. 3. Was uns gegen deren bedeutung vorzunehmen / durch Cunrad Dieterich. 1619.

¹⁹ Kurtzes Bedencken / Von dem newen Cometen / welcher den ersten Decembris vnd hernach dißlauffenden 1618. Jahrs/ Morgens vor und nach 6. vhren / zu Augspurg / vnd an vil orthten ... gesehen worden. HAB Wolfenbüttel, Einbl. Xb FM 59.

стал курфюрст Пфальца Фридрих V, которому была предложена чешская корона в обход прав потенциального наследника императорской короны Фердинанда (II) Габсбурга. Фридрих, опираясь на военную силу Протестантской унии (1608–1621), главой которой он был, стал формировать армию. В унию входил ряд протестантских княжеств Германии, которые таким образом тоже были вовлечены в войну. К войне с Фридрихом готовился один из самых могущественных немецких правителей Максимилиан I Баварский (1597–1651), давно искавший повод к вооруженному столкновению с Фридрихом, надеясь получить титул курфюрста. Поэтому Максимилиан выступил на стороне императора. Так были определены основные немецкие силы и плацдарм военных действий: началось противостояние немецких князей в немецких землях.

Однако уже в первый год войны в нее вмешались и внешние силы. Габсбурги получили помощь от своих испанских родственников, ревностных католиков. Испанская армия во главе с маркизом Амброзио де Спинолой (1567–1630) вторглась в германские княжества и направилась усмирять мятежный Пфальц.²⁰ С 1619 г. вплоть до 1650 г. Германия несла все тяготы военного времени, война прокатилась по многим областям и надолго стала неотъемлемой частью жизни немецкого общества. Вслед за испанцами в немецкие княжества вторглись датчане, которые хотели остановить проводимую императором рекаатолизацию. Однако действия датского короля Кристиана IV (1577–1648) не увенчались успехом. Эпопея вторжения иностранных войск в немецкие княжества не была этим закончена. Уже в 1630 г. в Германии появляются новые «чужаки» – шведы. Густав II Адольф (1594–1632) вторгся в немецкие земли, побуждаемый двумя главными мотивами – помочь «правоверным евангелистам» и попытаться завладеть частью немецких прибалтийских земель. Продвижение Густава Адольфа по немецким княжествам было стремительным: уже через год он, пройдя немецкие княжества с севера на юг, захватил Мюнхен.²¹ Переломным моментом для шведов в Германии стала битва при Лютцене (1632). Густав Адольф погиб в этой битве, хотя сражение было проиграно имперскими войсками. Поиск новых союзников лидерами Протестантской унии при-

вел к заключению в 1635 г. договора с Францией, после чего уже французские войска вплоть до заключения Вестфальского мира 1648 г. хозяйничали в некоторых немецких княжествах.

Война, ставшая повседневностью для нескольких поколений немцев, неоднократно аллегорически изображалась на иллюстрированных листовках, и этот образ стал символом ужаса и хаоса: «Как лев, как волк или медведь / не щадит ни одного человека / так и этот ужасный зверь умерщвляет все вокруг. / <...> / Скажите же, как зовут этого дикого зверя?! / Его зовут Война».²² Текст этой листовки дословно описывает изображенное на ней. Война предстает в образе невиданного страшного зверя с волчьей головой, львиным телом, лошадиными ногами, крысиным хвостом и мощными руками человека: «Волчья пасть, которую невозможно насытить, / постоянно требует золота и денег. / <...> / Рука человека держит ружье, или копье, или шпагу. / Она разрушает, она опустошает страну, уничтожает все, что встречает на своем пути. / <...> / Как дикий конь [этот зверь. – А.Л.] уничтожает посевы. / <...> / У него ядовитый поганый хвост крысы, в котором копошатся черви. / Они замыкают шествие, уничтожают все, что еще может жить». Такой представлялась Тридцатилетняя война современникам.²³ В этом военном хаосе, страхе за свою жизнь, за жизнь близких, начинает крепнуть мысль о необходимости единства. Образованная часть современников постепенно начала воспринимать войну однозначно – как «битву за немецкое единство и сплочение общества», считая, что она затронула всех немцев без каких-либо различий и несла всем им смерть, ужас и разрушение.²⁴ Лишь объединение сил могло дать достойный отпор врагу и вернуть утраченное.

* * *

Аллегорические представления войны, сатира на известных политических деятелей были лишь частью целой системы образов, появившихся в годы Тридцатилетней войны, среди которых одно из первых мест начинают занимать национальные символы и аллегии.

²² Abbildung des unbarmhertigen / abschewlichen Tiers / Welches in wenig Jahren / den größten Teil Teutschlandes verderbet / Wäscher H. Das deutsche illustrierte Flugblatt. Dresden, 1955. № 42.

²³ Подробнее см.: Лазарева А.В. «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны в немецких иллюстрированных листовках XVII в. // Исторические Исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. №1. (в печати).

²⁴ Abbildung des unbarmhertigen / abschewlichen Tiers...

²⁰ Spanische Spinnstuben oder Rockenfahrt. 1621. HAB Wolfenbüttel, E 5700/10.

²¹ Der Dreissigjährige Krieg in Augenzeugenberichten / Hrsg. von H. Jessen. München, 1976. S. 282.

Неудивительно, что во время войны, решавшей в первую очередь внутригерманские проблемы, национальная проблематика вышла на первый план и довольно быстро нашла свое отражение в многочисленных изображениях. Даже у современников война получила название «Немецкой» (*der Teutsche Krieg, bellum Germanicum*) или «Тридцатилетней войны немцев».²⁵ «Немецкой» война стала потому, что способствовала появлению первых ростков национального самосознания и складыванию представлений о единой Германии, что в полной мере отразилось в появившихся национальных образах. Эти образы рождались, во-первых, в противопоставлении себя и «чужих». При этом «чужие» под влиянием Тридцатилетней войны однозначно воспринимались как враги, желающие уничтожить все ценное, что было у немцев. Так возник образ беспощадного врага, сыгравший одну из ключевых ролей в формировании немецкого самосознания и идеи нации. Во-вторых, в годы войны новое наполнение приобретают различные символы, атрибуты и аллегорические образы геральдических животных, которые теперь ассоциируются уже непосредственно с немцами, с «немецким национальным духом», доказывая самобытность и уникальность немецкого народа. В-третьих, в годы Тридцатилетней войны появляются символические фигуры, олицетворявшие немецкую нацию. Эти образы сохранили свою актуальность и в последующие эпохи, прочно укоренившись в общеевропейском ряду национальных образов.

Национальные образы формировались параллельно с появлением немецких «национальных стереотипов». Стереотипы делали возможным создание упрощенной картины мира, не претендующей на точность и полноту, но в ней вещи и люди получали свое определенное место.²⁶

Другим магистральным направлением, создающим образ немецкой нации в эпоху Тридцатилетней войны, стали различные атрибуты и символы, имеющие национальный подтекст. Среди них можно выделить несколько комплексов. Во-первых, очень часто встречаются изображения оружия, где первое место занимает, безусловно, меч. Кроме мечей, на иллюстри-

рованных листовках часто изображали щиты, алебарды, пики. Вторая группа символов представлена изображениями «положительных» животных – в основном, орлов и львов. Третий комплекс атрибутов связан с властью. Здесь широко представлены гербы, короны, скипетры, державы. Четвертую группу составляют символы, первоначально связанные с Библией, но под влиянием Тридцатилетней войны также приобретший «национальный» дух. Среди них можно назвать знак Иеговы, рукопожатие, пальмовую ветвь. Впервые на иллюстрированных листовках появляются «немецкие деревья»: дубы встречаются чаще всех других деревьев в том случае, если художник вообще изображает флору. Все эти многообразные и многозначные символы и атрибуты олицетворяли те главные качества немцев, которые хотели видеть у своих соотечественников публицисты и интеллектуалы. Они особенно подчеркивали немецкий героизм, воинственность, но в то же время религиозность. Большое внимание уделялось традиции, преемственности, которая связывала бы немцев с германцами, ставшими к XVII в. недостижимым идеалом чистоты, силы и славы.²⁷ Каждая из отмеченных «национальных черт» предполагала целый ряд положительных качеств.

На первое место в иконографии выходят символы, указывающие на немецкий героизм. Частота их встречаемости наиболее высока. В подтверждение этого варианта расшифровки кодов говорят письменные источники, которые органично дополняют иконографический материал. Публицисты упоминали различные предметы в таких описаниях, из которых явно видна связь между атрибутом и «национальной чертой». Например, «смелыми и непобедимыми героями (здесь и далее курсив мой – А.Л.), чьи головы украшают золотые шлемы, доспехи сверкают в лучах солнца, когда они поднимают свои сияющие копья», называл немцев Клай.²⁸ В иконографии вопрос о воинственности решался с помощью изображения разнообразных военных арте-

²⁵ Так начали называть Тридцатилетнюю войну литераторы и публицисты XVII в., а позже этот термин стал широко употребляться в немецкой печати Нового времени.

²⁶ Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft. Aachen, 1998. S. 79.

²⁷ Здесь подразумевается роль преемственности поколений и связь «германцы–немцы». Призрачное «былое величие», выхлывшее на первый план при таких сравнениях, играло большую роль в становлении идеи нации в годы Тридцатилетней войны. Подробнее см. Медяков А. С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе. Под ред. В. С. Бондарчука. М., 2005; Лазарева А. В. «Чистый язык – сильная нация». «Плодоносящее общество» (1617–1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник Московского университета. Серия VIII. История. 2005. № 3.

²⁸ Klaj J. Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1648. S. 21.

фактов. Мечи, алебарды, стрелы, копья – всеми этими предметами пестрели не только листовки, посвященные непосредственно битвам. Они были частью композиции на иллюстрациях с «немецким» подтекстом. Воинственность и боеспособность немецких воинов подчеркивали в первую очередь внушительных размеров мечи. Меч традиционно считался символом воинской доблести и показывал претензии на верховенство. Он воспринимался как символ власти и справедливости.²⁹ Из средства защиты он в случае необходимости превращался в карающую руку Провидения.³⁰ Изображения оружия, появившиеся на листовках, часто имели религиозный подтекст. Меч, в частности – атрибут Архангела Михаила.

Тема религиозности также находила свое выражение в символическо-аллегорических изображениях. Самым распространенным религиозным символом, появившимся на листовках, был «знак Иеговы», который всегда находился на фоне солнца. Обращение к этому знаку подчеркивало богоизбранность немцев, так как Иегова – имя Бога, которое он дал сам себе. Это имя Бог открывал только избранным³¹, нашедшим «путь к Богу через молитву».³² К таким благочестивым людям немецкие публицисты причисляли своих соотечественников, а современникам пытались напомнить о религиозности предков.

Все перечисленные немецкие символы и атрибуты складывались в единый, персонифицирующий немецкую нацию образ Германии. Этому образу в XVII в. уже начали соответствовать некоторые аллегорические изображения и фигуры, которые, как и сама «Германия» были воплощением «немецкого духа». Особое место в данном ряду в эпоху Тридцатилетней войны начинают занимать геральдические животные, которых, во многом благодаря публицистике, стали воспринимать как традиционные немецкие символы. «Животные, наряду с другими образами, выступают в качестве представителей

наций, прежде всего, если речь идет об идеализации собственной нации. Тогда они имеют положительные ассоциации и представлены героически», – считает А. Плум.³³ С этим утверждением трудно не согласиться, если обратиться к немецким «национальным» животным эпохи Тридцатилетней войны. Почетное место на иллюстрациях заняли такие геральдические животные, как львы и орлы.

Орел воспринимался как символ Империи германской нации. Он подчеркивал преемственность поколений и трансформацию Римской империи древности в Священную Римскую империю германской нации, на гербе которой был двуглавый орел. Орел традиционно являлся олицетворением победы и силы, изображался еще на штандартах римских легионов. В Средние века появился и религиозный контекст – орел стал восприниматься как символ Вознесения Христа.³⁴ Существовала легенда, согласно которой орел долетал до солнца и обжигал себе крылья. Затем он падал в воду и возрождался вновь.³⁵ Изображение орла встречалось очень часто: оно могло заполнять листовку целиком или дополняло иллюстрацию, намекая на связь с Империей. Часто изображался двуглавый орел Империи, на оперении которого размещались гербы всех составляющих ее частей.³⁶ На одной из листовок орла изобразили сильным и бесстрашным. Девиз этой листовки гласил: «Согласие возвышает и низших, но великое может быть разрушено спорами и враждой».³⁷ «Если орел хочет летать, то он не должен допустить, чтобы из его благородного тела выщипывали перья. Тогда он будет обречен лишь стоять на слабых ногах», писали публицисты.³⁸

Публицисты эпохи Тридцатилетней войны стремились подчеркнуть связь орла с Германией, его «немецкое» происхождение, или, по крайней мере, «воспитание». Писатель Г. Я. К. Гримельсгаузен вопрошал немцев: «Неужели вы не знаете, что красоту и величие римского народа затмили ваши благородные предки, но орла они

²⁹ Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1992. С. 358; Biedermann H. *Knaurs Lexikon der Symbole*. München, 2004. S.396–397.

³⁰ *Hertzliches Seufftzen unnd Wehklagen / auch Christlicher Trost unnd endtlich Göttliche Hülff unsers vielgeliebten Vatterlandes*. HAB Wolfenbüttel, Einbl. Xb FM 189.

³¹ Согласно Ветхому Завету, имя Иегова обозначает «Я есмь Сущий (Иегова)» (Исх. 3:14). Когда Бог обратился к Моисею, то сказал: «Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем “Бог всемогущий”, а с именем Моим “Господь” [Иегова] не открывался им» (Исх. 6:3).

³² Weller E. *Die Lieder des Dreissigjährigen Krieges*. Berlin, 1885. S. 34.

³³ Plum A. *Op. cit.* S. 97.

³⁴ Холл Дж. Указ. соч. С. 406; Biedermann H. *Op. cit.* S. 15–17.

³⁵ *Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation und der Glaubenskämpfe*: 24. Juli – 31. Oktober 1983, Kunstsammlungen d. Veste Coburg, Coburger Landesstiftung / Hrsg. von W. Harms und J. Kruse. Coburg, 1983. S. 134.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.*

³⁸ Weller E. *Op. cit.* S. 184.

принесли из римского гнезда к вам, о немцы».³⁹ Большое количество смысловых переплетений и символически-аллегорических интерпретаций, воплощенное в образе орла, создавало богатые возможности для обыгрывания его образа в текстах. Среди писателей и публицистов стало распространяться мнение, что орел охраняет немцев от бед: «Германии (Деве. – А.Л.) снится, что к ней летит орел, он коронован. Из поднебесья он бросает ей лавровый венок, который венчает теперь ее растрепанные волосы, ее замороченную голову».⁴⁰ Вестфальский мир, названный современниками «немецким», воспевался поэтами как «победа орла».⁴¹

Другим героическим животным, постепенно превратившимся в «национальный» символ, был лев. Лев был геральдическим символом многих немецких княжеских семей и, таким образом, тоже считался «немецким» животным. Например, «немецким львом» называли современники Фридриха V Пфальцского. Сравнение немцев со львами⁴² было лестным, поскольку лев идентифицировался с храбростью⁴³, указывая на немецкий героизм: «Лев бросается на поле боя. Он, как и положено, храбрый герой».⁴⁴

Одновременно, лев использовался и как религиозный символ. Льва часто называли «набожным». Свою силу он «передает Германии», руку которой «лижет с набожным дружелюбием».⁴⁵ В религиозной традиции его воспринимали как символ Воскресения.⁴⁶ Вместе с тем он мог напоминать и о конфессиональном расколе. В листовках протестантского толка лев предстает как защитник «истинной веры»: «Лев коронован, он защитит чистое христианское учение. И оно будет цвести и плодоносить».⁴⁷

Природные образы раскрывались также с помощью изображения растений. «Немецким» деревом становится дуб. Дуб стал одним из национальных символов благодаря особой прочности древесины. Эта прочность ставила его

как бы выше всех остальных пород деревьев, потому что олицетворяла «бессмертие» или же, по крайней мере, упорство.⁴⁸ Безусловно, здесь присутствует связь и с античной мифологией, в которой дуб был деревом Зевса (Юпитера).

Кроме «немецкой» флоры и фауны, в XVII в. появляется новый образ, утвердившийся не только в немецкой, но и в мировой публицистике как фигура, олицетворяющая немцев и Германию. Это образ «Немецкого Михеля». О его возникновении существует масса различных теорий.⁴⁹ Согласно одной из самых популярных теорий, происхождение Немецкого Михеля возводят к архангелу Михаилу, который с X в. считался покровителем Империи.⁵⁰ В эпоху гуманизма Михель приобретает негативные черты; так, в частности, некоего Михеля Себастьян Брант поместил в свой «Корабль дураков», охарактеризовав его как «грубого тупицу и фантазера». Однако через 100 лет, в эпоху Тридцатилетней войны представление о Михеле в корне переосмысливается. В 1640-х гг. появилась иллюстрированная листовка, где образ Михеля был визуализирован. В этой листовке Михель является защитником и глашатаем всего «исконно немецкого».⁵¹ Он «смеется над дураками», которые «презирают Отечество», но одновременно горестно сетует, что в его Германии «ничего нельзя узнать». Михель выступает с резкой критикой всего «ненемецкого» и призывает немцев опомниться и «не позорить, а прославлять» свою Родину. В данном случае Михель является олицетворением «старых традиций», «немецкой славы», и с этого момента его образ уже приобретает черты идеального немца. Немецкий Михель обращается ко «всем немцам», он, с одной стороны, соперничает им, но с другой беспощадно ругает за то, что они «отвернулись от Германии». Михель становится своеобразной «душой нации», тем стержнем, который может объединить немцев, возрождая их «лучшие качества».

Художники, и публицисты XVII в. предложили, наряду с Михелем, еще одну символическую фигуру для обозначения немецкой нации. Именно благодаря им возникает образ «девы»

³⁹ Grimmshausen H.J.Ch. Der Teutsche Michel. Frankfurt a/ M, 1652. S. 26.

⁴⁰ Klaj J. Geburtstag des Friedens. Nürnberg, 1650. S. 6.

⁴¹ Ibid. S. 29.

⁴² В данном случае анонимный публицист ведет речь лишь о тех, кто поддерживал Фридриха V, называя их «народом льва» (das Volk des Löwen).

⁴³ DIF. IV. № 87.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Klaj J. Geburtstag des Friedens. S. 6.

⁴⁶ Холл Дж. Указ. соч. С. 331; Biedermann H. Op. cit. S. 273–274.

⁴⁷ DIF. IV. № 87.

⁴⁸ Biedermann H. Op. cit. S. 111.

⁴⁹ Подробнее см. Groete B. Der deutsche Michel. Dortmund, 1967.

⁵⁰ Архангел Михаил, в свою очередь, являлся христианским воплощением германского бога Вотана (Plum A. Op. cit. S. 96).

⁵¹ Ein schön neues Lied, gennant der Teutsche Michel. Um 1645 // Wäscher H. Das deutsche illustrierte Flugblatt. Dresden, 1955. № 56.

Германии». Изображение Германии в женском облике, по мнению некоторых исследователей, имеет под собой богатую почву. С одной стороны, женские аллегории могут быть связаны с грамматическими формами в языке, так как большая часть добродетелей, которые в данном случае воплощает аллегория, – женского рода.⁵² Однако здесь существуют и более тонкие нюансы, связанные с герменевтикой женских образов в искусстве раннего Нового времени. Женщина символизирует отказ от конфликта, а женские аллегории – объединение.⁵³ Германия эпохи Тридцатилетней войны представляла то в виде «прекрасной наивной девушки»,⁵⁴ то как «умудренная годами матрона».⁵⁵ Она олицетворяла единство всех немецких территориальных княжеств, объединенных на основе общей культуры и схожих политических целей, и представляла собой подлинную аллегорическую фигуру всех немцев.⁵⁶ «Все немцы» молили Бога, чтобы он «даровал Германии, благородной стране / мир и благословение, радость и защиту».⁵⁷ «Германия» стала вмещалищем лучших немецких качеств. Иконографический образ дополнял образ литературный. У известного немецкого поэта эпохи Тридцатилетней войны Г. Ф. Гарсдёрфера в его сборнике поучительных новелл «Нафан и Иофам» есть притча, озаглавленная «Германия».⁵⁸ В ней он поэтически описывает «характер» Германии. Она «вознаграждает добро, выступает всеобщей защитницей».⁵⁹ Германия была в его представлении «мечом доблести, шпагой справедливости».⁶⁰

Один из наиболее ярких образов появился на иллюстрированных листовках еще в первые годы Тридцатилетней войны.⁶¹ Дева-Германия

находится в центре изображения, на ее голове – корона, а в руках скипетр и держава. Германия стоит между двумя колоннами – символами силы и нерушимости,⁶² на которые нанесен один из девизов династии Габсбургов.⁶³ Таким образом, Германия показана, с одной стороны, как одна из основ могущества Габсбургов, но, с другой, и как самостоятельная величина. Над центральной фигурой расположена цепь с символами трех главных христианских ценностей – веры, надежды, любви. То же символизируют и две сомкнутые руки. В тексте об этом символе говорится: «Мы хотим сохранить союз любви».⁶⁴ На иллюстрированной листовке бросаются в глаза военные атрибуты – скрещенные меч и алебарда. Симметрично им помещены символы мира – две скрещенные пальмовые ветви. Интересен тот факт, что Германия предстает беременной. Такое натуралистическое изображение подчеркивает связь с природой, с продолжением жизни и нескончаемой преемственностью поколений. Уже некоторые публицисты размышляли, почему женские образы более привлекательны для аллегорического изображения различных стран: «Страны изображаются в образе женщин <...>, потому что они являются кормилицами и множительницами народов».⁶⁵ Апелляции к природному началу были типичными для искусства раннего Нового времени и объясняли то, что уже существовало и принималось как данное свыше.⁶⁶ Таким образом, Германия воспринималась как *всегда* существовавшая, связанная с природой, имеющая возможности к перерождению и новой жизни.

Многоликие образы Тридцатилетней войны оказали важное влияние на становление представлений немцев о немецкой нации. Самобытные изображения стали символом эпохи. Они пробуждали у современников, живших десятилетиями в военном хаосе, чувство гордости за свой народ, напоминали о «славном прошлом» и помогали примириться с тяжелой действительностью, обосновывая претензии на мощь и политическое лидерство. В этих доказательствах важную роль играли апелляции к древности происхождения, к высокой духовности

⁵² Bruchhausen E-B. Ch. Das Zeichen im Kostümball – Marianne und Germania in der politischen Ikonographie. Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doctor philosophiae (Dr. phil.) vorgelegt an der Philosophischen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg verteidigt am 03.05.2000. S. 87. В данном случае можно сравнить немецкий язык с русским: доблесть, смелость, отвага, добродетельность – слова женского рода в обоих языках.

⁵³ Ibid. S. 19.

⁵⁴ Harsdörfer G. Ph. Auserlesene Gedichte. Leipzig, 1826. S. 126.

⁵⁵ Idem. Nathan und Jotham. Nürnberg, 1659. S. 34.

⁵⁶ Plessen M. Marianne und Germania. Frankreich und Deutschland. Zwei Welten – Eine Revue. Ausstellung der Berliner Festspiele, Verlag Argon, 1996. S. 19.

⁵⁷ Herzliches Seufftzen...

⁵⁸ Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jotham. S. 333.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Herzliches Seufftzen...

⁶² Ibid.

⁶³ Sedlmayer H. Epochen und Werke. Mittenwald, 1997. 2.Bd. S. 174–187.

⁶⁴ Herzliches Seufftzen...

⁶⁵ Harsdörfer G. Ph. Poetischer Trichter. Nürnberg, 1648–1653. S. 307.

⁶⁶ Bruchhausen E-B. Ch. Op. cit. S. 112.

немецкого народа, его верности, набожности, целомудрию. Всему этому угрожали немецкие враги, свирепый художественный образ которых устрашал современников. Правда, наряду с устрашением, художники использовали и другие приемы, в частности, широкое хождение имело сатирическое представление врагов Германии. В таких изображениях нарочито подчеркивалось величие немцев по сравнению с другими народами. Безусловно, при изображении Германии, немецкой нации, национальных символов и алле-

горий речь шла об идеализированных картинах. Однако в глазах современников именно таким идеальным и должен был быть образ немецкой нации и Германии, которую в письменных источниках называли «миром героев, где родилась добродетель, миром христианского триумфа, где проиграли пороки, миром, где верная рука искоренила зло».⁶⁷

⁶⁷ Schottel J. G. Ausführliche Arbeit von der teutschen HauptSprache. Braunschweig, 1663. S. 1012–1013.

Библиография:

1. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Hg. von Reinhart Koselleck. Bd.3.
2. Hillen G. Allegorie im Kontext. / Feindbilder: die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Hg. Von Franz Bosbach. Köln. Weimar. Wien. 1992.
3. Handbuch der politischen Ikonographie. Hg. von Uwe Fleckner, Martin Warnke, Hendrik Ziegler. München, 2011.
4. Schilling M. Allegorie und Satiere auf illustrierten Flugblättern des Barock. / Feindbilder: die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Hg. Von Franz Bosbach. Köln. Weimar. Wien. 1992.
5. Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Hg. von Gert Ueding. Bd. 1. Tübingen, 1992.
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.
7. Deutsche illustrierte Flugblätter des 16. und 17. Jahrhunderts. / Hg. von W. Harms. Tübingen, 1980-In 6 Bd.
8. Aston T. Crisis in Europe 1560-1660. New York, 1965.
9. Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. London, 1967.
10. Parker J. General Crisis of the Seventeenth Century. London, 1978.
11. Schilling H. Aufbruch und Krise. Berlin, 1993.
12. Illustrierte Flugblätter des Barock / Hg. von W. Harms, Tübingen, 1983.
13. Der Dreissigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hg. von H.Jessen. München, 1976.
14. Лазарева А.В. «Дочь греха»: образ Тридцатилетней войны в немецких иллюстрированных листовках XVII в. // Исторические Исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. №1.
15. Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft. Aachen, 1998.
16. Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев / Национальная идея в Западной Европе. Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005.
17. Лазарева А.В. «Чистый язык – сильная нация». «Плодоносящее общество» (1617-1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность. // Вестник Московского Университета. Серия VIII. История. М., 2005 г., №3.
18. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1992.
19. Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. München, 2004.
20. Weller E. Die Lieder des Dreissigjährigen Krieges. Berlin, 1885.
21. Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation und der Glaubenskämpfe: 24. Juli-31. Oktober 1983, Kunstsammlungen d. Veste Coburg, Coburger Landesstiftung. Hg. von W. Harms und J. Kruse. Coburg, 1983.
22. Groete B. Der deutsche Michel. Dortmund, 1967.
23. Wäscher H. Das deutsche illustrierte Flugblatt. Dresden, 1955.
24. Bruchhausen E-B.Ch. Das Zeichen im Kostümball-Marianne und Germania in der politischen Ikonographie. Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doctor philosophiae (Dr. phil.) vorgelegt an der Philosophischen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg verteidigt am 03.05.2000.
25. Plessen M. Marianne und Germania. Frankreich und Deutschland. Zwei Welten-Eine Revue. Ausstellung der Berliner Festspiele, Verlag Argon, 1996.
26. Sedlmayer H. Epochen und Werke. Mittenwald, 1997. 2.Bd.

References:

1. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Hg. von Reinhart Koselleck. Bd.3.

2. Hillen G. Allegorie im Kontext. / Feindbilder: die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Hg. Von Franz Bosbach. Köln. Weimar. Wien. 1992.
3. Handbuch der politischen Ikonographie. Hg. von Uwe Fleckner, Martin Warnke, Hendrik Ziegler. München, 2011.
4. Schilling M. Allegorie und Satire auf illustrierten Flugblättern des Barock. / Feindbilder: die Darstellung des Gegners in der politischen Publizistik des Mittelalters und der Neuzeit. Hg. Von Franz Bosbach. Köln. Weimar. Wien. 1992.
5. Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Hg. von Gert Ueding. Bd. 1. Tübingen, 1992.
6. Natsii i natsionalizm / B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokh i dr. M., 2002.
7. Deutsche illustrierte Flugblätter des 16. und 17. Jahrhunderts. / Hg. von W. Harms. Tübingen, 1980-In 6 Bd.
8. Aston T. Crisis in Europe 1560-1660. New York, 1965.
9. Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. London, 1967.
10. Parker J. General Crisis of the Seventeenth Century. London, 1978.
11. Schilling H. Aufbruch und Krise. Berlin, 1993.
12. Illustrierte Flugblätter des Barock / Hg. von W. Harms, Tübingen, 1983.
13. Der Dreissigjährige Krieg in Augenzeugenberichten. Hg. von H.Jessen. München, 1976.
14. Lazareva A.V. «Doch' grekha»: obraz Tridtsatiletnei voiny v nemetskikh illyustrirovannykh listovkakh XVII v. // Istoricheskie Issledovaniya. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova. №1.
15. Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft. Aachen, 1998.
16. Medyakov A.S Natsional'naya ideya i natsional'noe soznanie nemtsev / Natsional'naya ideya v Zapadnoi Evrope. Pod red. V.S. Bondarchuka. M., 2005.
17. Lazareva A.V. «Chistiy yazyk – sil'naya natsiya». «Plodonosyashchee obshchestvo» (1617-1680) v bor'be za nemetskuyu natsional'nuyu samobytnost'. // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya VIII. Istoriya. M., 2005 g., №3.
18. Khol Dzh. Slovar' syuzhetov i simvolov v iskusstve. M., 1992.
19. Biedermann H. Knaurs Lexikon der Symbole. München, 2004.
20. Weller E. Die Lieder des Dreissigjährigen Krieges. Berlin, 1885.
21. Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation und der Glaubenskämpfe: 24. Juli-31. Oktober 1983, Kunstsammlungen d. Veste Coburg, Coburger Landesstiftung. Hg. von W. Harms und J. Kruse. Coburg, 1983.
22. Groete B. Der deutsche Michel. Dortmund, 1967.
23. Wäscher H. Das deutsche illustrierte Flugblatt. Dresden, 1955.
24. Bruchhausen E-B.Ch. Das Zeichen im Kostümball-Marianne und Germania in der politischen Ikonographie. Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doctor philosophiae (Dr. phil.) vorgelegt an der Philosophischen Fakultät der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg verteidigt am 03.05.2000.
25. Plessen M. Marianne und Germania. Frankreich und Deutschland. Zwei Welten-Eine Revue. Ausstellung der Berliner Festspiele, Verlag Argon, 1996.
26. Sedlmayer H. Epochen und Werke. Mittenwald, 1997. 2.Bd.